

Technical and legal aspects of the construction and interpretation of norms on mercenary activities in Russian criminal law

O. G. Solovyev¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2306-5648-2025-2-166-175

Research article
Full text in Russian

The article examines the problems of regulating responsibility for mercenary activities in domestic criminal law, examines doctrinal approaches to the construction and application of responsibility for this war crime.

In the modern world, mercenary activity is becoming more common in military conflicts. Mercenaries are a group of people who participate in hostilities in order to receive financial rewards, who do not have citizenship of the country where the hostilities are taking place, and do not permanently reside on its territory. Based on the analysis of the current norms of the Criminal Code of the Russian Federation, the paper concludes that the concept of mercenary activity and its varieties are defined in accordance with the principles laid down in the International Convention against the Recruitment, Use, Financing and Training of Mercenaries of 1989. The author explores theoretical provisions with a practical focus on further improvement of the current criminal legislation on responsibility for mercenary activities for the effective prevention, detection and suppression of this type of illegal activities. The article notes that the crime under study is characterized by a complex object, since as the main, additional and optional objects it encroaches on the foundations of the constitutional order and security of the state, on the rules of warfare, on the peaceful existence of mankind and states, on the rights of minors. The paper also analyzes various solutions and approaches to the problem of defining the legal content of the concepts of "mercenary", "recruitment", "armed conflict".

Keywords: criminal liability; war crimes; law-making; interpretation; mercenary activities; recruitment; training; financing; participation; armed conflict; military actions

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Solovyev, Oleg G. | E-mail: olegsol1961@yandex.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-015).

For citation: Solovyev O. G. Technical and legal aspects of the construction and interpretation of norms on mercenary activities in Russian criminal law // Demidov Law Journal. 2025. Vol. 15, No. 2. P. 166-175. (in Russ.)

Технико-юридические аспекты конструирования и толкования норм о наемничестве в отечественном уголовном праве

О. Г. Соловьев¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2306-5648-2025-2-166-175

Научная статья

УДК 343.335

Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются проблемы регулирования ответственности за наемничество в отечественном уголовном праве, исследуются доктринальные подходы к конструированию и применению ответственности за данное военное преступление.

В современном мире наемничество становится все более распространенным явлением в военных конфликтах. Наемники, прежде всего, – лица, которые участвуют в боевых действиях с целью получения материального вознаграждения, не имеющие гражданства той страны, где происходят военные действия, и не проживают постоянно на ее территории. На основе анализа действующих норм УК РФ в работе делается вывод о том, что концепция наемничества и ее разновидности определены в соответствии с принципами, заложенными в Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 года. Автор исследует положения теоретического характера, имеющие практическую направленность на дальнейшее совершенствование действующего уголовного законодательства об ответственности за наемничество для эффективного предупреждения, выявления и пресечения данного вида противоправных действий. В статье отмечается, что исследуемое преступление характеризуется сложным объектом, поскольку в качестве основного, дополнительного и факультативного объектов посягает на основы конституционного строя и безопасности государства, на правила ведения войны, на мирное существование человечества и государств, на права несовершеннолетних. В работе также анализируются различные решения и подходы к проблеме определения правового содержания понятий «наемник», «вербовка», «вооруженный конфликт».

Ключевые слова: уголовная ответственность; военные преступления; правотворчество; толкование; наемничество; вербовка; обучение; финансирование; участие; вооруженный конфликт; военные действия

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соловьев, Олег Геннадиевич

E-mail: olegso11961@yandex.ru

Кандидат юридических наук, доцент

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-015).

Для цитирования: Соловьев О. Г. Технико-юридические аспекты конструирования и толкования норм о наемничестве в отечественном уголовном праве // Демидовский юридический журнал. 2025. Том 15, № 2. С. 166-175.

© ЯрГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

В главе 34 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Преступления против мира и безопасности человечества» регламентирована ответственность за наемничество (ст. 359 УК РФ), преступление, которое относится к группе военных уголовно-правовых запретов. В частях 1 и 3 указанной нормы содержатся два самостоятельных состава преступления, предусматривающих ответственность лиц за использование наемников, а также ответственность самих наемников за непосредственное участие в военном конфликте соответственно, в ч. 2 закреплены квалифицирующие обстоятельства, характеризующие преступное поведение по отношению к ч. 1 статьи.

Анализируя указанную статью с точки зрения юридической техники в первую очередь необходимо обратить внимание на название статьи «Наемничество», в ситуации, когда законодатель не дает определения наемничества как действия (деяния), однако в примечании дает определение понятию «наемник». Кроме того, закрепляя степень общественной опасности деяния и соответственно лица, его совершившего, законодатель явно указывает на большую общественную опасность лиц, «осуществляющих содействие» наемникам, чем непосредственно самих наемников [1, с. 217]. Заметим, что это не единственный случай, когда в уголовном законе действия пособнического характера наказываются строже, чем действия исполнителя.

В рамках данной научной статьи, параллельно с характеристикой признаков состава преступного деяния, необходимо также проанализировать и оценить используемые приемы законодательной техники. Если говорить о степени обобщения конкретных показателей нормы, то по-нашему мнению, в описании участия наемника в боевых действиях (ч. 2) используется абстрактный прием конструирования. В этом случае законодатель не указывает каких-либо форм и видов действий наемника, предлагая интерпретировать данный признак в самых разных вариантах, исходя из конкретной ситуации.

В свою очередь, для описания диспозиции, закрепленной в ч. 1 ст. 359 УК РФ характерен смешанный прием, сочетающий в себе одновременно элементы казуистичности и абстракции. Суть казуистики в описании возможных вариантов общественно-опасного поведения и указании на перечень возможных вариантов преступного поведения, и в данном случае законодатель сделал этот перечень относительно конкретным, указав в диспозиции ч. 1 ст. 359 УК РФ на различные формы организации наемничества и содействия ему, как на признаки объективной стороны состава. Попутно этот ориентирующий перечень способов, указанием на «иное материальное обеспечение наемника» объявляется открытым, предлагая при толковании нормы прибегать и к элементам абстракции.

Объективная сторона участия наемника в вооруженном конфликте или военных действиях выполняется исключительно в форме активных действий, которые осуществляются в варианте личного, непосредственного причастия к военному конфликту, что может включать организацию, подготовку и выполнение боевых заданий, применение оружия, участие в караульной службе, взаимодействие с другими участниками военного столкновения и др.

Участие может быть также выражено в оборонно-техническом снабжении и оснащении одной из сторон-участниц конфликта. Следует также отметить, что участие наемника в конфликте предполагает целевое *использование* или *готовность к использованию* оружия, как правило, огнестрельного, и другого военного снаряжения (военной техники, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств) [2, с. 234]. Все эти действия могут быть непосредственно связаны с осуществлением насилия, либо сопряжены с осуществлением других тяжких преступлений – убийств, истязаний, изнасилований и других форм насилия, разбоев и грабежей, разрушений инфраструктуры городов и поселений. Мы полагаем, что если в процессе участия наемника в вооруженном конфликте или в военных действиях совершены другие преступления, в том числе, деяния по незаконному обороту оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, которые не входят в объективную сторону наемничества, то они должны быть дополнительно квалифицированы по иным отдельным статьям уголовного законодательства.

В доктрине иногда указывается, что на основании отсутствия законодательного разъяснения, различные виды и способы участия в конфликте можно расценивать как подготовительные или пособнические действия. Например, авторы полагают, что к примеру, вербовка наемника может быть квалифицирована как подстрекательство к участию в конфликте. Указывается, что такое деяние вполне можно квалифицировать как склонение лица к совершению преступления путем подкупа (ч. 3 ст. 33 УК РФ) [3, с. 15]. Мы не склонны поддержать такую позицию. В литературе также справедливо отмечается, что участие в документальном оформлении контракта не приравнивается к поступлению наемника на военную службу, такие действия должны быть квалифицированы как фактическое приготовление, поскольку, например, контрактник может поступить на службу еще до начала вооруженного конфликта, в то время как участие подразумевает выполнение служебных обязанностей [4, с. 170].

Нам кажется обоснованным привлечение к уголовной ответственности по данной норме за участие наемника в единственном эпизоде военного столкновения, хоть законом это и не определяется. Обычно наемники участвуют в боевых действиях довольно продолжительное время, но квалификация даже единичного случая наемничества представляется нам достаточной для полного вменения содеянного как оконченного деяния. Для примера скажем о привлечении грузинского наемника М. Гацарелии к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 359 УК РФ и по ст. 317 УК РФ и назначении наказания в виде пожизненного лишения свободы за одномоментный обстрел четырех российских военнослужащих, трое из которых погибли. Известно, что мужчина воевал на стороне украинских вооруженных сил в качестве наемника [3, с. 16].

Еще одной проблемой оценки объективной стороны участия наемника в вооруженном конфликте нам видится отграничение участия от присоединения к вооруженному формированию. В первую очередь проанализируем возможные отличия по субъекту. В части 3 ст. 359 УК РФ установлен специальный субъект – наемник, и, как следует из примечания к норме, под ним понимается лицо, не являющее-

ся гражданином государства-участника вооруженного столкновения, постоянно не проживающее на его территории, осуществляющее наемнические действия в целях получения материального вознаграждения. Что касается участника вооруженного формирования, то в таком случае лицо также может не быть гражданином воюющего или конфликтующего государства, и также не проживать на территории, осуществляющей военные действия. Получается, что отличие состоит в получении финансовой выгоды, но это скорее относится к цели и соотносится с субъективной стороной. Конечно, участник формирования может быть мотивирован материальной выгодой, но конкретная цель в диспозиции статьи не указана, следовательно, это будет основным признаком обособления, разграничения данных составов.

Отсюда следует логичное предложение о соединении в диспозиции признака объективной стороны преступления ч. 3 ст. 359 УК РФ с указанием на вышеназванную цель для непосредственного учета данного субъективного признака. При описании такого законодательного приема – способов изложения норм, нам видится бланкетный характер исследуемой части статьи с отсылкой на международное законодательство. В частности, в ст. 47 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г., раскрываются признаки наемника¹. Как мы уже ранее обратили внимание, в примечании к ст. 359 УК РФ представлено значение термина «наемник». Следует отметить, что закрепление данного примечания в уголовном законодательстве излишне ввиду того, как нами уже было сказано о бланкетности данной нормы, указанное понятие уже закреплено в нормах международного права, и дополнительное его дублирование не требуется. Далее мы рассмотрим вопросы соотносимости указанных определений в уголовном и международном законодательстве.

Важными признаками объективной стороны являются обстановка, место и время совершения преступления. Из буквального толкования нормы следует, что участие наемника предполагается альтернативно в вооруженном конфликте или в военных действиях, то есть обстановка военного противоборства обязательна. Должно быть определено специальное место – зона боевых действий, особое время – время военных действий.

Еще одним спорным вопросом, вызывающим дискуссии, является участие в вооруженном столкновении членов частной военной компании, которые привлекаются странами-участницами конфликта для решения тех или иных вопросов, когда не требуется задействование основных вооруженных сил. С одной стороны, такая «армия быстрого реагирования» осуществляет свою деятельность за пределами своего государства, вступает на военную службу в частном порядке, руководствуется желанием получить личную выгоду, не входит в состав армии стороны конфликта. Получается, что если члены частных военных компаний попадают

¹ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I) (с изменениями и дополнениями). URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377/> (дата обращения 17.02.2025).

под фактических наемников, то их деяния соответствуют диспозиции ч. 3 ст. 359 УК РФ, и они могут быть привлечены к ответственности за участие в вооруженном конфликте или военных действиях. Однако на практике дело обстоит иначе, юридический статус участников таких компаний неоднозначен, их деятельность имитируется под снабженческую, охранную или иную другую, большинство из них не зарегистрированы в реестре юридических лиц, они не подпадают под определения добровольческих формирований, действуют автономно от всей государственной системы.

Обучение наемника можно рассмотреть под призмой пособничества как содействие в совершении преступления советами (ч. 4 ст. 33 УК РФ). Подводя итог анализа действующей редакции ст. 395 УК РФ можем сделать вывод, что для эффективного применения и избежания проблем, связанных с квалификацией, исследуемая статья требует доработки, в части законодательного определения понятий «наемничество» и «материальное возмещение».

В литературе ставят вопрос о необходимости закрепления разделительного союз «или» в перечислении квалифицирующих признаков совершаемого преступления: «... деяния, совершенные лицом с использованием служебного положения или в отношении несовершеннолетнего». Такая формулировка, считают авторы, вынуждает правоприменителя при квалификации совершенного деяния выбрать лишь один из квалифицирующих признаков. Например, в случае вербовки несовершеннолетних, содержащихся в специальном учреждении, директором такого учреждения. В этом случае использование союза «или» влияет на определение наказания в отношении субъекта, так как подобная квалификация уменьшает степень общественной опасности как деяния, так и лица, его совершившего [5, с. 227]. Полагаем, что подобные выводы являются достаточно спорными.

Под финансированием наемника следует понимать обеспечение его денежными средствами – наличными и безналичными. При этом денежные средства могут предназначаться не только для выплаты наемникам вознаграждения за участие в вооруженных конфликтах или военных действиях, но и например, для закупки наемниками вооружения, техники, а также для проведения иных операций, связанных с деятельностью наемников. В любом случае финансирование наемника предполагает, во-первых, наличие второй стороны – получателя денежных средств, а, во-вторых, целевое назначение этих средств: содержание хотя бы одного наемника. Финансирование начинается в момент, когда одна сторона передает или перечисляет денежные средства другой стороне [6, с. 92].

Таким образом, в части оценки и квалификации объективной стороны наемничества можно сделать следующие выводы: а) действия наемника, которые считаются участием в военном конфликте, зависят от непосредственной ситуации и международного права, в частности, от Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним. Под участием понимаются активные действия по нападению на противника, включая стрельбу, управление военной техникой, разведывательные действия, использование взрывчатых веществ и взрывных устройств, участие в штурмах, и т.д.; б) обязательными признаками объективной стороны участия в военном конфликте является обстановка военного противоборства, специаль-

ное место – зона боевых действий, особое время – время военных действий; в) законодательными приемами, которые используются для конструирования данного состава, являются – казуистичный (по степени обобщения конкретных показателей нормы), бланкетный (по способу изложения, в норме законодателем); прием – примечание (дефиниция, которая раскрывает понятие «наемник»).

Понятие использования наемника в вооруженном конфликте или военных действиях упоминается в ч. 1 ст. 359 УК РФ. В контексте диспозиции указанной статьи под наемником, как уже упоминалось согласно примечанию, понимается лицо, которое: а) действует в целях получения материального вознаграждения; б) не является гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях; в) не проживает постоянно на его территории; г) не является лицом, направленным для исполнения официальных обязанностей.

Первая успешная попытка дать юридическое понятие «наемника» зафиксирована в ст. 47 Первого Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. (далее – Протокол № 1). Сравнивая два вышеупомянутых определения, можно отметить ряд общих черт и ряд различий. Так, ст. 47 Протокола № 1 упоминает такие признаки, которые не вошли в перечень признаков ст. 359 УК РФ, как: а) наемник не имеет права на статус комбатанта (лица, которое входит в состав вооруженных сил одной из противоборствующих сторон с правом принимать участие в военных действиях) или военнопленного (лица, участвующего в вооруженном международном конфликте и оказавшегося во власти противоборствующего государства).

Данный признак отражен в российском уголовном кодексе в части указания на невозможность наемника носить статус комбатанта (и этот факт является разумным), однако добавление в Протоколе № 1 ссылки на невозможность наемника быть военнопленным, на наш взгляд, является лишним и избыточным, утяжеляющим и без того громоздкую конструкцию, поскольку статус военнопленного предполагает, что гражданин, оказавшийся во власти противника, является частью вооруженных сил противоборствующей стороны, то есть комбатантом, который уже был упомянут.

Далее, в пункте «б» указывается, что наемником может быть лицо, которое специально завербовано, то есть привлечено к сотрудничеству на месте или за границей с целью сражаться в вооруженном конфликте. Как указывается в литературе, вербовка может выражаться в записи желающих, агитации, направлении к месту обучения и т. п. Также в пункте «в» отмечается, что наемник реально принимает личное участие в военных действиях [7, с. 121]. Личное участие подразумевает непосредственное участие в подготовке, планировании или проведении боевых действий и военных операций. Считаем по своему смыслу данный признак является важным, поскольку здесь речь идет не о косвенном (опосредованном) участии, а о прямом, однако формулировка «участие в военных действиях» вызывает сомнение. При буквальной трактовке участие в военных действиях – это выполнение специальных задач по нанесению поражения по живой силе противоборствующей стороны, а также по инфраструктуре, тылу, штабам и управлениям и мирному населению. Вместе с тем фактически термин «использование в воен-

ных действиях» в контексте рассматриваемой статьи уголовного кодекса включает более широкий спектр деятельности, а именно, участие в контрдиверсионных действиях, в саботаже, пересечении государственных границ с целью захвата определенного участка территории и удержания его для достижения целей государства, обеспечение безопасности и сопровождение ценных грузов, выполнение задач, связанных с охраной должностных лиц, организацией государственных переворотов [8, с. 318]. Кроме того, как уже указывалось, понятие военных действий, согласно словарным источникам, не обязательно включает в себя вооруженную борьбу между государствами, но и сражения между народами, классами и иными социальными группами внутри государства.

Вместе с тем в контексте диспозиции ст. 359 УК РФ, речь идет именно о межгосударственных вооруженных конфликтах, что также считаем необходимым уточнить в законодательном порядке. Сравнивая конструкции рассматриваемых статей, стоит отметить, что отечественный уголовный закон содержит более лаконичное, емкое и понятное определение [9, с. 3]. Так, признак «принятие участия в военных действиях, руководствуясь, главным образом, желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны», упомянутый в Протоколе № 1, имеет формулировку «действует в целях получения материального вознаграждения» в ст. 359 УК РФ, которая является одним из оснований криминализации деяния [10, с. 373; 11, с. 12].

На наш взгляд, оба определения имеют свои плюсы и минусы, однако существенным выводом является тот факт, что определение, данное в Протоколе № 1 значительно шире определения наемника в УК РФ. Для выведения определения, более точно отражающего суть использования наемника в вооруженном конфликте или военных действиях, считаем необходимым обратиться к научной литературе. Так, под использованием наемников понимается непосредственное привлечение их к боевым операциям или акциям военного характера как в районе военных действий, так и за его пределами, в том числе направление к месту ведения военных действий, руководство действиями формирования, их подразделений или отдельных наемников [4, с. 171].

Из плюсов рассматриваемого определения можно выделить более широкий спектр перечисленных действий, которые включаются в понятие «использование наемника», однако и данный список мы считаем недостаточным и не совсем точным. Исходя из всего вышесказанного, выведем собственное определение. Использование наемника в вооруженном конфликте или военных действиях – это привлечение лица, специально завербованного, действующего из личных интересов материального характера, не являющегося комбатантом и лицом, направленным для выполнения официальных обязанностей, для реального личного участия в выполнении специальных задач по нанесению поражения по живой силе противоборствующей стороны, инфраструктуре, тылу, штабам и управлениям и мирному населению, а также для участия в контрдиверсионных действиях, сабо-

таже, пресечении государственных границ с целью захвата определенного участка и удержания его для достижения целей государства, обеспечение безопасности и сопровождение ценных грузов, выполнение задач, связанных с охраной должностных лиц, организацией государственных перевозок.

Подводя итоги всему вышесказанному, мы приходим к следующим выводам:

1) законодательное определение понятия «наемник» несовершенно и имеет ряд недостатков, которые необходимо устранить для более эффективной правоприменительной практики;

2) в Уголовном кодексе отсутствует понятие «использования наемника», и конструкция, используемая в диспозиции ч. 1 ст. 359 УК РФ, не отражает в полной мере перечень действий наемника, которые подпадают под действие рассматриваемой статьи;

3) понятие «наемника» в УК РФ значительно уже понятия «наемника», данного в Первом Дополнительном протоколе к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., но значительно более простое, лаконичное и понятное для осмысления;

4) участие в военных действиях - это не только выполнение специальных задач по нанесению поражения по живой силе противоборствующей стороны, но и широкий спектр иных действий, которые не отражаются при буквальном толковании рассматриваемого понятия.

Ссылки

1. Петрова Ю. О., Красношапка Г. В., Ногинов В. О. К вопросу о классификации уголовно-правовых запретов о преступлениях против мира и безопасности человечества (гл. 34 УК РФ) // Право, экономика и управление: актуальные вопросы: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Чебоксары, 20 февраля 2024 г.) / гл. ред. Э. В. Фомин. Чебоксары: Среда, 2024. С. 216-219. EDN GEPNXXE

2. Грузинская Е. И. Преступления против мира и безопасности человечества в системе особенной части уголовного законодательства стран евразийского экономического союза // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 232-235. EDN XGXBHJ

3. Грубова Е. И., Маршакова Н. Н. Классификация преступлений против мира и безопасности человечества (глава 34 УК): критический анализ доктринальных воззрений // Российский следователь. 2012. № 6. С. 14-17.

4. Гончарова Ю. О. Сравнительно-правовая характеристика уголовного законодательства зарубежных стран об ответственности за наемничество // Право, экономика и управление: сборник материалов Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Чебоксары, 9 июля 2021 г.) / гл. ред. Э.В. Фомин. Чебоксары: Среда, 2021. С. 169-172. EDN BLRKXD

5. Левандовская М. Г. Уголовная ответственность за наемничество в законодательстве Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2018. № 8. С. 226-227.

6. Эбзеева З. А. Объект наемничества как предмет уголовно-правового анализа // Актуальные вопросы юридических наук: материалы междунар. заочн. науч. конф. (г. Челябинск, ноябрь 2012 г.) / отв. ред. О. А. Шульга. Челябинск: Два комсомольца, 2012. С. 91-93. EDN WECIMV

7. Смирнов Р. Ю., Савкина А. С. Уголовная ответственность за наемничество: историко-правовой анализ и место преступления в системе международного и отечественного права // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2019. № 8. С. 120-129.

8. Эбзеева З. А. Правовое регулирование наемничества: история и современность // Профессиональные ресурсы социальной сферы: состояние, проблемы и перспективы: материалы всерос. науч.-практ. конф., г. Саратов, 14–15 декабря 2011 г. / редкол.: И. Ю. Новичкова [и др.]. Саратов: Наука, 2012. С. 317-322.

9. Трунцевский Ю. В. Расследование обстоятельств грузино-югоосетинского вооруженного конфликта (интервью со старшим следователем по особо важным делам при Председателе следственного Комитета России, генерал-майором юстиции А. А. Дрымановым) // Международное публичное и частное право. 2013. № 6. С. 2-7. EDN RPCPPZ

10. Иванчин А. В. Еще раз об основании уголовной ответственности в свете современной уголовной политики // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 3. С. 370-377. DOI 10.18255/1996-5648-2021-3-370-377.

11. Карташов В. Н. Юридические технологии: истоки и отдельные перспективные направления исследования в XXI веке представителями ярославской юридической школы // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 1. С. 8-17. DOI 10.18255/2306-5648-2023-1-8-17